

КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ НОСИТЕЛЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

П.В. Матвеев

магистрант 1 курса, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

С.А. Привалов

канд. юрид. наук, доц. кафедры конституционного права имени Исаака Ефимовича Фарбера

Ещё буквально 15-20 лет назад вопросы разработки разумных систем, способных функционировать, принимать решения без участия человека и, в конце концов, мыслить, рассматривались лишь узким кругом ученых. Это были футурологи и кибернетики. Задолго до них этими вопросами задавались писатели-фантасты – Айзек Азимов, Дуглас Адамс, Кир Булычев (Игорь Всеволодович Можейко), Братья Стругацкие и, конечно, Жюль Верн (список велик – это и Рэй Бредбери, и Александр Беляев и Роберт Энсон Хайнлайн. По мнению А.В. Нечкина, наука и техника, связанные с ними общественные отношения, и человечество в целом движется в сторону постепенного наделения привычных нам вещей (например, автомобилей) «разумностью», потенциалом к саморазвитию, а также возможностью принимать самостоятельные решения и совершать самостоятельные действия, ранее не заложенные в них человеком, тем самым освободить людей от их рутинных занятий [1, ст. 79].

Только в 2017 году объем рынка искусственного интеллекта и связанного с ним машинного обучения составил 700 млн рублей, однако в связи со стремительным развитием информационных технологий и внедрением технологий искусственного интеллекта в промышленность, крупными инвестициями в дальнейшую разработку и развитие искусственного интеллекта многими уже к 2023 году ожидается увеличение объема рынка до 28 миллиардов рублей [2, ст. 391]. Если обратиться к опыту РФ, то понятие «ИИ» получило свое легальное определение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», утвержденной указом Президента РФ. В данном документе под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

В связи с этим возникает вопрос о возможности и необходимости наделения искусственного интеллекта правосубъектностью в том понимании, которое существует в нынешнем законодательстве.

В первую очередь стоит отметить, что правосубъектность наряду с правами, свободами, и обязанностями является элементом правового статуса, в том числе и правового статуса личности. А что же можно понимать под термином «личность»? Этим вопросом задается Андрей Вадимович Нечкин. По его мнению, в связи с тем, что в современном российском законодательстве отсутствует легальное определение понятия «личность», то в данном случае имеет место расширительное толкование, предполагая отнесение к нему носителей ИИ, так или иначе близкого к человеческому. Объясняется это тем, что именно развитый интеллект отличает людей от других живых существ [1, ст. 81]. Данная точка зрения представляется самой «молодой» и наиболее передовой относительно других подходов к соотношению понятий «личность» и «человек».

Главной особенностью искусственного интеллекта является то, что он может существовать без физической оболочки, следовательно, о конституционно-правовом статусе личности правильно говорить в целом об искусственном интеллекте, не связывая его с определенной оболочкой (об этом и говорится в определении искусственного интеллекта в нацстратегии). Здесь можно сказать, что искусственный интеллект выигрывает у интеллекта человеческого в возможности существовать вечно, постоянно накапливая опыт и потенциал в отличие от человека, который подвержен старению, болезням, смерти. Поэтому в структуре правового статуса юнита искусственного интеллекта необходимы и ограничения, аналогичные человеческим. К примеру, определенная продолжительность жизни, невозможность перемещения между оболочками [1, ст. 81].

Стоит отметить, что правосубъектность предполагает способность осуществлять права и выполнять обязанности, а также нести ответственность. Мы можем говорить о правоспособности физических лиц либо о правоспособности организаций, государств и т.д. Данное понимание правоспособности, а также классификация субъектов права на индивидуальные и коллективные отвечает сегодняшним реалиям, однако, рано или поздно настанет тот момент, когда искусственный интеллект (юнит искусственного интеллекта, то есть носитель искусственного интеллекта, виртуально или иным образом условно отграниченный от всех прочих объект) достигнет уровня развития человеческого интеллекта либо даже превзойдет его. В связи с этим необходимо четкое понимание того, вписывается ли юнит искусственного интеллекта в ныне существующую классификацию либо необходимо выделять их в отдельный вид.

При этом, часть ученых предполагает отнесение правосубъектности искусственного интеллекта к правосубъектности органов и организаций, которая возникает с момента их учреждения и прекращается с момента ликвидации, объясняя это тем, что правосубъектность не предоставляется исключительно человеку, так как законом она может быть распространена и на нечеловеческих субъектов [3, ст. 65]. Так, несмотря на то, что организация и искусственный интеллект на первый взгляд представляют собой совершенно разные явления, они могут обладать некоторым сходством в определении их правосубъектности. Организация создается с целью достижения какого-либо результата и действует в интересах их учредителей. Данное утверждение представляется применимым и к носителю искусственного интеллекта, деятельность которого связана с определенной целью. Робот, обладающий статусом «электронного лица» и правосубъектностью, не наделяется объемом прав и обязанностей, аналогичных человеческим. Также, как и в случае с организациями, владелец создаёт юридическую фикцию, которую он контролирует [4]. При этом есть и противоположные мнения. С.М. Солайман считает, что юнит искусственного интеллекта невозможно сравнить с юридическими лицами в вопросе о признании правосубъектности первых, так как ни одна из концепций правосубъектности юридического лица не применима к роботам. По его мнению, юнит искусственного интеллекта близок к животным в части автономности, самосознания или самоопределения, однако в этом случае он будет обладать правовым статусом объекта права нежели субъекта права. Возможность осуществлять права и обязанности как элемент правосубъектности отсутствует как у животных, так и у роботов [3, ст. 66].

Другая же часть связывает правосубъектность ИИ с концепцией индивидуального субъекта права. В данном случае ведется дискуссия об условиях, которым должен соответствовать юнит искусственного интеллекта, чтобы соответствовать правовому статусу человека. В этой связи актуален вопрос возможности искусственного интеллекта обладать самосознанием, аналогичным самосознанию человека [5]. Ответить на него на сегодняшний день не представляется возможным ввиду текущего уровня развития технологий искусственного интеллекта. Также актуальность этого вопроса связана с существующей

сегодня точкой зрения, в соответствии с которой субъект имеет моральное право обладать правовым статусом поскольку он может чувствовать и каким-либо образом осознавать себя и окружающий мир. Поэтому искусственный интеллект не может сравниваться с человеком, поскольку он не обладает душой, интенциональностью, сознанием, свободной волей и чувствами [3, ст. 63]. Тем не менее, Самир Чопра и Лоуренс Уайт справедливо указывают, что для наделения правосубъектностью сознание не является необходимым условием, поскольку, с одной стороны, истории известны случаи, когда обладающие сознанием люди (рабы, дети, женщины) были лишены правосубъектности полностью или в части, а с другой стороны, человек, в определенный момент времени не обладающий сознанием (например, спящие или находящиеся в коме люди) не лишился своей правосубъектности [5]. Вышеназванные примеры не позволяют в полной мере отождествить правовой статус человека и правовой статус искусственного интеллекта.

Учёные выделяют несколько причин наделения юнита искусственного интеллекта правосубъектностью, среди которых:

- моральное право на правосубъектность;
- социальный потенциал;
- удобство с юридической точки зрения [6, ст. 213].

По мнению П.М. Морхата к искусственному интеллекту может быть применена третья только причина. Учёными выделяются множество примеров, когда наделение юнита искусственного интеллекта правосубъектностью оправдано. Так, можно отметить, что многие исследователи считают, что искусственный интеллект должен обладать правосубъектностью в целях освобождения своих разработчиков и операторов от возможной ответственности за действия искусственного интеллекта [3, ст. 67].

По мнению С.М. Солаймана [3, ст. 69], предоставление роботам правосубъектности может оказаться «ящиком Пандоры». Алжбета Краузова справедливо отмечает, что создание и наделение правосубъектностью носителей искусственного интеллекта может привести к нарушениям в жизнедеятельности общества [8, ст. 59]. Среди аргументов против также выделяют ограниченную уязвимость к наказанию [3, ст. 70]. И, наконец, можно привести мнение Сюзен Хасслер, которая задаётся следующим вопросом: «почему вместо того, чтобы предположить, что этически спорное будущее с разумными машинами неизбежно, мы не можем выбрать управление машинами, которые мы строим, и бросить вызов технологическому императиву? Или мы настолько в плену у идеи создания искусственной жизни, монстров и големов, что это невозможно?» [3, ст. 70]

Проблематика правового регулирования создания и функционирования ИИ не нова и является достаточно разработанной как в российской науке, так и за рубежом. В этой связи интересен опыт Республики Беларусь. Так, для стимулирования развития технологий искусственного интеллекта и робототехники, по мнению белорусского ученого М.Н. Сатолиной, обязательным представляется переход от командного регулирования экономикой к национальным центрам компетенций и сервисной модели управления. Это потребует осуществления административной реформы по повышению эффективности органов исполнительной власти, местного управления и самоуправления и будет способствовать росту заинтересованности иностранного и национального капитала в проведении научных исследований ИИ и внедрению результатов в производство» [7, с. 5-8].

Таким образом, вопрос о наделении юнита искусственного интеллекта правосубъектностью является одним из сложнейших для изучения правоведами. На текущем уровне развития науки и техники рано говорить о правосубъектности тех систем, которые существует уже сегодня, поскольку они обладают узкой областью применения. Однако в дальнейшем данный вопрос будет становиться всё более актуальным ввиду развития технологий и, возможно, трансформаций в человеческом обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нечкин А.В. Конституционно-правовой статус искусственного интеллекта в России: настоящее и будущее [Электронный ресурс] / А.В. Нечкин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii-nastoyaschee-i-budushee>. – Дата обращения: 25.11.2022.
2. Грин Д.М. Состояние рынка искусственного интеллекта в России и перспективы сотрудничества с КНР [Электронный ресурс] / Д.М. Грин. – Режим доступа: <https://qje.su/ekonomicheskaya-teoriya/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-8-2021-5>. – Дата обращения: 25.11.2022.
3. Морхат, П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо / П.М. Морхат // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 2. – С. 61–73.
4. Schrijver S. de The Future Is Now: Legal Consequences of Electronic Personality for Autonomous Robots [Electronic Resource] / Schrijver S. de. – Mode of access: <http://whoswholegal.com/news/features/article/34313/future-now-legal-consequenceselectronic-personality-autonomous-robots>. – Date of access: 25.11.2022.
5. Chopra S., White L. Artificial Agents – Personhood in Law and Philosophy [Electronic Resource] / Chopra S., White L. – Mode of access <http://www.sci.brooklyn.cuny.edu/~schopra/agentlawsub.pdf>. – Date of access: 25.11.2022.
6. Weitzenboeck E.M. Electronic Agents and the Formation of Contracts / Weitzenboeck E.M. // International Journal of Law and Information Technology. 2001. Vol. 9. No. 3. P. 204-234.
7. Сатолина, М.Н. Комплексное правовое обеспечение создания цифрового государства / М.Н. Сатолина // Право. by. – 2018. – № 6(560). – С. 5–8.